

Бреусенко-Кузнецов А. А.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА ПОСРЕДСТВОМ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Статья посвящена методу «Сочинение волшебной сказки». Корни волшебной сказки простираются в архаические ритуалы. В её содержательной структуре отражается процесс инициации. Инициацию мы понимаем как социальную институционализацию экзистенциального кризиса. Это коллективная форма её преодоления. Экзистенциальный кризис является психическим состоянием, обусловленным онтологически. Современник, переживая этот кризис, обретает опыт внутренней инициации. Особенности этого опыта отражаются на создании им волшебной сказки. Двумя функциями методики создания волшебной сказки есть диагностическая и развивающая.

Ключевые слова: волшебная сказка, экзистенциальный кризис, инициация.

Экзистенциальный кризис — это специфическая форма «критических ситуаций» на жизненном пути человека; сутью ее является ориентировка жизнедеятельности человека на его бытие (как сущностно обусловленное существование). Психическими явлениями, воплощающими такую ориентировку, становятся личностные ценности. Наша попытка прослеживания экзистенциального пласта, формирующего ценностно-смысловую сферу личности, воплотилась в создание исследовательской методики «Сочинение волшебной сказки», обеспеченной схемой формального анализа сказочных текстов и моделью экзистенциального истолкования. Выбор в качестве моделирующей экзистенциальную ситуацию человека текста, явившегося продуктом деятельности сказочничества, не случаен. Сочиняя сказку, человек обращается к символической реальности, представляющей априорный, архетипический слой ценностно-смысловой сферы, над которым надстраивается вся ее структура как комплексный феномен индивидуального опыта.

В работах В. Я. Проппа, посвященных морфологии и историческим корням волшебной сказки [7; 8], утверждается тесная генетическая связь этого жанра с обрядами, прежде всего с обрядом *инициации*. Рассматривая внешнюю, формальную сторону инициации, можно заметить, что она служит обретению человеком нового социального статуса, включению в новую социальную общность — общность взрослых людей, либо «посвященных», участников некоей тайной организации. Именно социальная функция инициации (т. е. инициация как важнейший момент социализации) ставится во главу угла при попытках сжатого описания этого явления в отечественных словарях. Она определяется как «комплекс действий (в основном обрядовых), посредством которых совершается и формально закрепляется смена социального статуса индивида» [9, сс.138-139], либо — еще уже — как «посвятительные обряды в родовом обществе, связанные с переводом юношей и девушек в возрастную класс взрослых мужчин и женщин» [11, с.112; 12, с.498]. При этом формы обрядов (изоляция от прежнего социального окружения, очистительные обряды, физические и моральные испытания, символизация смерти иницируемого и его возрождения в новом качестве, приобщение иницируемого к тайным знаниям [9, с.139]) выглядят как случайные, выдуманные исключительно для усложнения прохождения индивидом социализации. Но почему испытания именно таковы, почему они имеют сходную структуру в различных мировых культурных традициях? Чтобы ответить на этот вопрос, недостаточно проанализировать социальные последствия актов инициации; надо вникнуть в скрытый, сакральный смысл инициации, проявляющийся в ее ритуальных действиях, сохранных, кстати, и в композиции волшебной сказки. Внутренняя, содержательная сторона инициации, способная пролить свет на то, почему первобытные общества придавали ей столь большое значение в организации социальной жизни, такова: человек в ходе некоего «путешествия» в потусторонний мир проходит

через символическую смерть и возрождается преображенным, причастным тайнам бытия. В своей внутренней структуре инициация обретает экзистенциальное значение, в то время как социальное значение инициации предстает как производное: ведь к человеку, прошедшему через смерть и победившему ее, должно быть иное отношение соплеменников — соответствующее новому его статусу в бытии.

Инициацию мы рассматриваем как социальную институализацию экзистенциального кризиса. Сейчас, когда этот обряд более не играет прежней роли в европейской культуре, экзистенциальный кризис утратил институализированные формы, он превратился в личную проблему каждого человека, в решении которой ему могут помочь лишь частные лица, но не общественные институты, не давняя традиция. Человек стал «свободнее» по отношению к собственному экзистенциальному кризису: исчезли назначаемые извне пути прохождения этого состояния, прекратилась регламентация сроков его переживания, а социальные последствия победы над деструктивными факторами кризиса (либо поражения) сведены к минимуму. Общество не помогает и не заставляет человека преодолевать экзистенциальный кризис. Предоставленный самому себе в деле разрешения собственных экзистенциальных задач, человек зачастую оказывается не в состоянии даже понять, какого рода проблема перед ним встала. Символизация происходящего с человеком, столь важная для противостояния внутренним разрушительным силам, не может состояться, если человек оторван от тех культурных пластов, которые сохранили опыт прежних поколений в деле разрешения экзистенциальных проблем. И особенную важность в этой связи приобретает волшебная сказка.

Содержательная взаимосвязь волшебной сказки с *героическими мифами* (в глубоком психологическом значении которых после фундаментальных работ К. Г. Юнга и его последователей нет нужды специально убеждать психологов) бросается в глаза. По О. Ранку, сказки «представляют собой ... «опустившуюся» форму мифа, последнюю форму, в которой мифическое творчество еще выносимо для сознания взрослого культурного человека» [10, с.64]. В. Я. Пропп пишет, что «волшебная сказка в своих морфологических основах представляет собою миф» [8, с.100]. Архетипическая область нашей психической жизни, находящая выражение не только в мифологии, но и в «символических» — не «симптоматических» — произведениях искусства (К. Г. Юнг), способная в любой момент актуализироваться в наших сновидениях, ни в коем случае не остается в стороне от жанра волшебной сказки.

Волшебная сказка существует не только в фольклорных записях, а и как литературный жанр; в деятельность «сказочничества» может включиться и наш современник. В. Я. Пропп отмечает: «Можно самому создавать новые сюжеты искусственно в неограниченном количестве» [8, с.122]. Чтобы сочинить волшебную сказку, достаточно в ходе встречи с ранее созданными сказками сущностно соприкоснуться с жанром, интуитивно прочувствовать его ключевые особенности. Более строго, опираясь на абстрактно-логический уровень познания, морфологические особенности волшебной сказки можно выявить, опираясь на специальную работу В. Я. Проппа [8]. Любая сказка, которая находится в некотором соответствии с выделенной им общей структурой, может претендовать на название волшебной. В этой структуре уже заключена символическая ситуация (та самая, которую К. Г. Юнг назвал архетипической «ситуацией трансформации» [13]), предопределяющая возможность выполнения волшебной сказкой психотерапевтической функции в процессе преодоления экзистенциального кризиса.

Каковы же особенности текста, который мы можем причислить к волшебным сказкам? Волшебную сказку как жанр можно, вслед за Проппом, определить через характерные функции действующих лиц. Таких функций Пропп находит тридцать одну. Эти «атомарные» функции не остаются обособленными друг от друга, они взаимодействуют, образуя некие сложные сочетания, устойчиво воспроизводящиеся в разных произведениях жанра — что позволяет нам «укрупнить» предложенные Проппом морфологические единицы сказки, объединить отдельные функции в темы. Основные темы волшебной сказки, полученные объединением функций, таковы:

0) **исходная ситуация** (представляет собой отправной пункт сказки, она отмечается Проппом как самостоятельный морфологический элемент, хотя он не относит ее к числу

функций). В экзистенциальном плане она презентует докризисное состояние, которое человек покидает, чтобы достигнуть полноты бытия — либо отчаяться в достижении. Ценностно-смысловая сфера человека, находящегося в состоянии предкризисного благополучия, представляет образование, «не испытанное на прочность» столкновением с реальностью.

1) тема **нарушения запрета** (объединяет отлучку одного из героев, запрет главному герою, нарушение героем запрета и последствие этого запрета — как правило, вредительство). Экзистенциальное значение этой темы состоит, по-видимому, в следующем: человек отказывается от неких стереотипов, рамок, мешающих осознать подлинные обстоятельства собственного бытия, реальную экзистенциальную ситуацию, он преодолевает защитные механизмы и сталкивается с этой, как правило, суровой, реальностью, обнаруживает талящиеся в ней опасности. При этом обнажается «нищета» не имеющих под собой экзистенциальной почвы компонентов ценностно-смысловой сферы.

2) тема **вредительства** (включает разведку вредителя, выдачу вредителю сведений, попытку обмана главного героя, подчинение героя обману, нанесение вредителем ущерба). Экзистенциальное значение темы — в актуализации деструктивных тенденций в ситуации экзистенциального кризиса. Эти силы препятствуют продвижению, развитию человека к полноте его индивидуального бытия, они пытаются «соблазнить» его ложными, маскирующими истинную экзистенциальную ситуацию утверждениями, увлечь (отвлечь) не просто случайными, экзистенциально не оправданными ценностями, но ценностями, противоречащими бытию. Эти силы влекут человека к распаду, их победа приводит к прекращению бытия человека как подлинно человеческого способа существования. Сходную с темой вредительства роль в сказке выполняют темы **недостачи** и **потери**. Здесь отсутствует фигура вредителя как персонификация глубинных разрушительных сил, однако налицо последствия их действия, выразившиеся в ситуации экзистенциальной неполноты.

3) тема **изгнания** (связана с темой вредительства, строится из сходных, но иначе акцентированных функций и функций темы путешествия в их пассивном, страдательном варианте). Изгнание — недобровольное, насильственное путешествие. Это изображение вынужденного, навязанного извне противодействия героя деструктивным тенденциям, связанного с невозможностью прежнего — наивного, не ориентированного на глубинные проблемы бытия и экзистенциальные свершения образа жизни. Изгнание есть ценностная депривация.

4) тема **похищения** (аналогичным образом связана с темами вредительства и путешествия). Данная тема также представляет собой вынужденное путешествие. Здесь некие глубинные бессознательные силы вторгаются в жизнь человека, призывая его к экзистенциальному уровню самопроявлений. Человек «похищенный» рискует оказаться пленником этих могущественных сил (принадлежащих к фундаментальным основам человеческого бытия «архетипов»), если не сумеет интегрировать их в пространстве своего психического мира. Вариантом темы похищения является тема **поглощения** каким-либо чудовищем, связанная с путешествием внутри него по океану (по глубинной бессознательной стихии); промежуточной формой между темами изгнания и похищения может считаться тема **заточения** (в частности, в бочке, пущенной по волнам). Проходя через опыт похищения, человек обретает возможность преодоления деструктивных тенденций собственного бытия, возрождения в новом качестве. Но претворение этой возможности в действительность, лежащее вне рамок данной темы, зависит от активности человека, его воли к актуализации своего потенциала бытия. В этих темах присутствует ценностная «захваченность», «связанность» человека деструктивными силами, преодолеваемая актом ценностного выбора.

5) тема **путешествия** (объединяет следующие функции: извещение героя об ущербе, решение героя противодействовать вредителю, отправка героя из дому, встреча с дарителем, «переход в иной мир» — т. е. достижение цели путешествия). В отличие от изгнания, похищения, поглощения и пр., тема путешествия представляет сознательное, активное, субъективно детерминированное прохождение опыта экзистенциального кризиса. Человек, совершающий путешествие, делает это по собственному почину, признавая внутренне необходимым свое проникновение в фундаментальный слой собственного бытия, встречу с экзистен-

циальными проблемами. Путешествие есть поиск ценности, поиск утраченного смысла жизни.

6) тема **волшебного помощника (волшебного предмета)** объединяет такие функции как встреча на дороге героя с дарителем (или с самим помощником), просьба встречного, реакция героя на просьбу, получение героем волшебного предмета и использование его. Эта тема представляет экзистенциально полезные качества человека, те его индивидуальные возможности, могущественные внутренние силы, которые могут оказаться «союзниками» в деле преодоления экзистенциального кризиса, позволяя человеку противостоять регрессивным тенденциям. Актуализация данных качеств человека в экзистенциальном кризисе помогает победить угрожающие бытию тенденции и утвердить новый, более экзистенциально оправданный способ существования (конечно, при условии доверия к ним и поддержки со стороны самого человека как субъекта кризиса). Предметы и помощники воплощают прежде всего инструментальный аспект ценностей, служа ценностной ориентировке (клубок, зеркало), перемещениям в ценностном пространстве (ковер-самолет, сапоги-скороходы, серый волк), обретению жизненного ресурса (живая вода), защите и нападению (меч-кладенец), выполнению трудных задач (щука), но могут относиться и к терминальным ценностям (помощник-жених, берущий героиню замуж в конце сказки).

7) тема **борьбы героя с вредителем** (объединяет функции: достижение героем цели путешествия, появление вредителя, собственно борьба, победа — либо поражение — героя). Такая тема представляет кульминационный момент экзистенциального кризиса, борьбу в человеке как самобытии конструктивных и деструктивных сил, (представленных помощником и вредителем) — борьбу, в которой последнее слово остается за человеком как субъектом кризиса. Победа над деструктивными силами всегда связана с решающей ролью субъектного ядра. Сами помощники — «периферические явления психики», и какими бы могущественными, превосходящими по силе главного героя они ни казались в отдельных сказках, все же без участия главного героя они не могут одолеть деструктивные силы его души — он их должен «запустить» личным участием, субъектной вовлеченностью в борьбу.

8) тема **погони, преследования** (к ней относится функция погони вредителя за героем, которая может быть конкретизирована: извещается злой персонаж, отправляется в погону, герой ставит препятствия, преследователь их преодолевает, герой ставит неодолимое препятствие; а также функция спасения). Истолкование этой темы приводит нас к тому этапу в динамике кризиса, когда побежденные деструктивные силы «пытаются взять реванш». Человеку необходимо удержать свои «экзистенциальные завоевания», достигнутые в некоторый «благоприятный момент», когда антогонистичные его бытию силы не были актуализированы полностью. Если прежняя победа над ними дается без большого труда (в сказках борьба с вредителем порой заменяется обманом), то тем тяжелее бывает внутренний конфликт, вызванный реакцией деструктивных сил на момент торжества конструктивных. Спасение от погони свидетельствует о новой, более устойчивой победе человека над регрессивными тенденциями.

9) тема **предательства спутников** (у Проппа ей соответствуют функции-бис, отвечающие за переход от первого хода сказки, связанного с вредительством, ко второму, связанному с трудной задачей: второе вредительство, новое отправление героя в путь, новое испытание дарителем, реакция героя и снабжение волшебным средством). В динамике экзистенциального кризиса этой теме соответствует момент, когда изменившийся в процессе проживания кризиса человек, эмансипировавшись от грозных разрушительных сил, оказывается незащищен перед теми связями и отношениями, которые сложились еще в прежней экзистенциальной ситуации. Эти отношения «бьют его в спину», мешают дальнейшему развитию. Прежние отношения, основывающиеся на прежних ценностях, тянут человека назад, «не прощают» ему его изменений. В сказке спутники, предающие героя, никогда не бывают особенно сильны, либо одарены волшебством. Если они и обретают некую волшебную власть, то исключительно незаконным путем, не имея на нее права. Они не имеют той архетипической мощи, которой обладают вредители, они по сути своей — ложные герои, самозванцы. Герой не вступает с ними в борьбу (и бороться-то не с кем), он наказывает их, ука-

зывает им на их подлинное место. Предатели-спутники не имеют силы ему возразить, они и обрели-то свое преувеличенное значение не иначе как случайно. Во внешней жизненной ситуации человека эти спутники могут иметь реальные имена и фамилии. Например, в виде спутников могут быть представлены те люди из прошлой жизни человека, общение с которыми было построено на регрессивных ценностях, на тщетной надежде забыться, отключиться, отказаться от восприятия суровой беспросветности бытия. Во внутренней экзистенциальной ситуации человека эти спутники — персонификации ценностей, не оправданных экзистенциально, не имеющих корней в бытии человека, ценностей случайных, занявших в иерархической ценностной системе человека преувеличенное положение силою привычки, внешнего деструктивного влияния, либо внутренней неспособности найти иные, более родственные собственному бытию ценности.

10) тема **трудной задачи** (включает такие функции, как неузнанное прибытие героя, постановка трудной задачи, необоснованные притязания ложного героя, решение героем задачи, обличение ложного героя, узнавание героя истинного). Экзистенциальная суть этой темы состоит в проверке, испытании обретенного в ходе кризиса нового способа существования, новых возможностей, вытекающих из него. Эта проверка может происходить не только во внутреннем, но и во внешнем (социальном) плане. Следствием оптимизации положения человека в бытии могут быть социально значимые достижения. Однако главное достижение, которое испытывается в ходе решения трудной задачи — это экзистенциальная сила человека. Трудная задача испытывает на адаптивность и продуктивность новую основу ценностно-смысловой сферы личности, и гипотетическая возможность торжества ложного героя служит предостережением герою против почивания на лаврах необратимых изменений.

11) тема **свадьбы, обретения царства** (часто оказывающаяся финальной темой сказки, объединяющая функции трансфигурации — трансформации главного героя со вступлением в брак и воцарением) представляет некую символическую цель экзистенциального развития человека. Трансформирующая, преображающая роль кризисных переживаний в максимальной степени представлена в этой теме. Царство, обретаемое героем, представляет раскрывшийся перед человеком в результате преодоления экзистенциального кризиса мир новых возможностей, прежде всего власть над собственным ценностным пространством. Свадьба — показатель экзистенциальной зрелости и внутренней интеграции. Трансформации героя, относящиеся к данной теме, заключаются всегда в том, что «стал он красавцем писаным» (героиня — «писаной красавицей»), превращение же в животных к этой теме не относится (оно — из области применения волшебных средств и должно применяться не в финале сказки, ибо имеет не терминальную, а инструментальную ценность).

12) другие темы — темы, на которые В. Я. Пропп достаточного акцента не сделал. Ряд важных функций, относящихся к волшебной сказке, в его морфологическую систему не вошел. Это темы, преимущественно специфические для так называемых «женских сказок», в которых в центре всех сказочных событий оказывается не герой, а героиня. К этой группе мы можем отнести тему **спасения** главной героини женихом (оживления «спящей красавицы»). В эту группу мы можем отправить тему **заколдованного жениха (невесты)**, относящуюся как к сказкам типа «Красавица и чудовище», так и к ряду «мужских» сказок, к которому можно причислить «Царевну-лягушку». Сюда же относятся и выделяемые Проппом **«неясные элементы»**, не вписавшиеся в его систему, но не обязательно посторонние в жанре волшебной сказки.

Выделенные темы наряду с другими, сводящимися к их модификациям, использованы нами в качестве смысловых элементов при анализе текстов волшебных сказок испытуемых.

Функционально Пропп выделяет семь типов действующих лиц, каковую классификацию с незначительными изменениями принимаем и мы, строя также и на ней анализ сказочных текстов:

1) **вредитель**, т. е. отрицательный, «злой» персонаж, причиняющий ущерб (например, *Баба Яга, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч, Снежная Королева*);

2) **даритель**, т. е. встречный персонаж, обеспечивающий получение героем волшебного помощника (например, *Баба Яга, Добрая Фея, черти, спорящие из-за волшебных предметов*);

3) **помощник**, т. е. персонаж (либо предмет), спасающий героя, помогающий в странственном перемещении, ликвидации беды, решении трудных задач (например, *богатырский конь, ковер-самолет, Серый Волк, волшебная лампа*);

4) **искомый персонаж**, похищаемый вредителем, задающий трудные задачи герою (например, *царевна (порой не очень отчетливо отграниченная от старого царя), Кай, Финист-ясен сокол*);

5) **отправитель**, единственная функция которого состоит в отправлении героя в путешествие;

б) **герой**, т. е. путешественник, встречающийся с дарителем, борющийся с вредителем, вынужденный решать трудные задачи и обретающий в конце сказки царевну и царство впридачу. Если же главный персонаж сказки — героиня, функции остаются сходными, хотя акцентируются несколько иначе (примеры героев — *Иван царевич, Белоснежка, Герда, Емеля дурак, Аладдин, Золушка*);

7) **ложный герой**, предъявляющий необоснованные претензии, пытающийся присвоить заслуги героя (*брatья Ивана, водовоз, генерал*).

Каждый из функциональных типов действующих лиц сказки представляет некое фиксированное психическое образование, актуализирующееся в экзистенциальном кризисе. С большинством из них мы уже познакомились, рассматривая темы сказки, представляющие динамическую, процессуальную сторону кризиса. Вредитель — действующее лицо, «ответственное» за актуализацию в сказке темы вредительства, — является персонификацией внутренних деструктивных тенденций человека. Вредителей в сказке бывает несколько, разной силы и способа действия, что говорит нам о многообразии форм деструктивных тенденций. Даритель также представляет внутреннюю инстанцию человека, не всегда дружественную, но властвующую над полезными, даже необходимыми для преодоления кризиса свойствами. Волшебные помощники и предметы — это персонификации самих вышеобозначенных свойств. Искомый персонаж представляет некую экзистенциальную цель человека, некий ориентир, на который он должен равняться, чтобы не заблудиться в зыбком пространстве экзистенциально ненадежных состояний. Отправитель соотносим с имеющейся у человека потребностью экзистенциального плана, с неким запускающим механизмом противодействия кризису. Герой представляет субъектное ядро психики человека, несущее всю полноту ответственности за процесс переживания кризиса. Ложные герои являются персонификациями ложных, обманчивых ценностей, не имеющих под собой экзистенциального основания.

Каждый персонаж волшебной сказки может быть рассмотрен как некая определенная «субличность» (Р. Ассаджиоли, [1]) ее автора, некая относительно самостоятельная, относительно независимая от субъектного ядра часть психического мира, участвующая в ситуации экзистенциального кризиса; что же касается главного героя, то он представляет, по видимому, само «субъектное ядро» психики человека, вступающее в различные отношения с периферическими психическими инстанциями. В сказках конкретных людей особенности сказочных персонажей говорят об индивидуальных качественных характеристиках инстанций их внутренних миров (особенности главного героя — соответственно — о характеристиках центральной инстанции — «Я»).

Каждая тема, присутствующая в волшебной сказке, говорит о присутствии у автора тенденции к определенной форме течения кризиса. Применяя в сказке одни темы, выбранные из предложенных, и опуская другие, а также акцентируя определенные темы из выбранных, сказочник как бы вычерчивает собственную потенциальную (или актуальную) траекторию прохождения кризиса. Сочиняя сказку, человек не только показывает читателю особенности вероятного течения своего экзистенциального кризиса, но и обретает символическое средство воздействия на собственную экзистенциальную ситуацию. Благополучное завершение волшебной сказки приближает автора к реальному преодолению кризиса, указывает

на его возможные пути, и методы. Сочинение волшебной сказки как психологическая методика должно выполнять две основные функции: 1) **диагностическую**, 2) **психотерапевтическую (либо развивающую)**. Процедура методики включает подробное инструктирование испытуемого относительно того, что есть тот жанр волшебной сказки, в котором ему предстоит сочинить историю (структура бытовых сказок или сказок про животных существенно отличается от структуры сказок волшебных и не может служить отражением феноменов экзистенциального кризиса). Сочиненная сказка оценивается автором в специальной анкете — на предмет содержательной близости к его жизненной ситуации, а также на предмет удовлетворенности созданным текстом. Также используется процедура экспертной оценки для объективирования факта представленности в тексте той или иной темы. Анализ может опираться на морфологические единицы сказки, описанные Проппом, и на производные от них.

Апробация методики проводилась на студентах разных факультетов НГУУ, «КПИ» и Киевского университета им. Т. Шевченко (1-4 курсы). В качестве экспертов (в процедуре оценки степени представленности тем) привлекались студенты, учащиеся по специальности «психология» Киевского университета.

Л и т е р а т у р а :

1. *Ассаджоли Р.* Психосинтез: теория и практика. — М.: Рефл-бук, 1994.
2. *Гроф С.* Духовный кризис. Статьи и исследования. — М.: МТМ, 1995.
3. *Джонсон Р.* Он. Глубинные аспекты мужской психологии. — Харьков: Фолио, 1996.
3а. *Джонсон Р.* Она. Глубинные аспекты женской психологии. — Харьков: Фолио, 1996.
4. *Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой. — К.: Ваклер, М.: Рефл-бук, 1997.
5. *Маноха И. П.* Человек и потенциал его бытия. — К.: Стимул, К, 1995.
6. *Наранхо К.* Песни просвещения. — СПб.: Б. С. К., 1997.
7. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. — СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 1996.
8. *Пропп В. Я.* Морфология сказки. — Л.: Academia, 1928.
9. Психология. Словарь / Под общ ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — 2-е изд, попр. и доп. — М.: Политиздат, 1990.
10. *Ранк О.* Миф о рождении героя. — К.: Ваклер, М.: Рефл-бук, 1997.
11. Сексология: Энциклопедический справочник по сексологии и смежным областям. Белорусская энциклопедия. — Минск: БелЭн, 1994.
12. Советский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1989.
12а. *Татенко В. А.* Психология в субъектном измерении. — К.: Просвіта, 1996.
13. *Элиаде М.* Мифы. Сновидения. Мистерии. — К. Ваклер, М.: Рефл-бук, 1996.
14. *Юнг К. Г.* Душа и миф: шесть архетипов. — К.: Гос. библ. Украины для юношества, 1996.
15. *Юнг К. Г.* Либи́до, его метаморфозы и символы. — М.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1994.
16. *Юнг К. Г.* *Mysterium Coniunctionis*. — К.: Ваклер, М.: Рефл-бук, 1997.

Статья поступила в редакцию 01.07.2003 г.